

ЛЮБОВЬ ЛИЗАЛОВА

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС И УТОЧНЕНИЕ ЕГО СЕМАНТИКИ В КОММУНИКАТИВНОМ АКТЕ

(К 70-летию проф. Станислава Жажи)

Признаюсь, что с тех пор, как я начала специально интересоваться и профессионально заниматься русско-чешской синтаксической фонетикой, я все время испытывала внутреннее противостояние по отношению к тем сухим теориям в области коммуникативного синтаксиса, которые при анализе синтаксической семантики во внимание принимали наличие лишь трех языковых уровней: лексического, морфологического и организационно-линейного. Знакомство с такого рода теориями часто вызывало впечатление, что анализируемый язык немой, а сами исследователи – глухонемые.

Как известно, уровень лексико-грамматической структуры (предложения), уровень ее семантической и актуальной организации давно владеет умами теоретиков. Давно на базе содержательной категории коммуникативного динамизма (см. об этом у Яна Фирбаса) определяется идея соотношенности линейного места элемента как составной части лексико-синтаксического комплекса и его коммуникативной значимости. Согласно этой идеи трактуется порядок слов, неравноценность элементов предложения, теория информационных центров, возможность весомости слова с его лексической характеристикой, мысли о тематической прогрессии и т. д. (см. обо всем этом у Данеша, Падучевой, Арутюновой, Адамца, Жажи и др.). Однако для уточнения семантики лексико-синтаксического комплекса необходимо иметь в виду, что это не застывшая структура, а в зависимости от интенциональной установки Адресанта, конситуации и контекста в его широком смысле слова модифицирующая единица коммуникации. И подтверждается сказанное особенно тогда, когда в исследование двухязычного лексико-синтаксического комплекса активно включается 4-ый языковой уровень, который этот комплекс из предложения делает высказыванием, отражающим семантические и прагматические презумпции.

Речь идет об *интонационных средствах* сравниваемых языков (в нашем случае русского и чешского). Ошибочно считать, как у нас, к сожалению,

по незнанию принято, что это только мелодия, т. е. движение тона. Отнюдь. Это и место интонационного центра, и синтагматическое членение лексико-синтаксической структуры, темп и пауза. Интонационные средства часто помогают в выборе пунктуации в письменном тексте, поскольку каждый текст в первую очередь произносится. Их правильное использование может определять и морфологическую принадлежность языковой единицы, не говоря уже о признании за просодией одной из важнейших функций, а именно оформления и противопоставления коммуникативных типов высказывания, т. е. функции, связанной с выражением интенции Адресанта: *Здесь свободно. Здесь свободно? Здесь свободно? - выражение удивления. Здесь свободно! - радость.* В приведенных примерах место интонационного центра не меняется. Оно находится на ударном слоге предиката. Меняется лишь движение тона. Одинаковая лексико-синтаксическая структура оформляется разными типами интонационных конструкций, предложенных Е. А. Брызгуновой и укладывающих в себе все смысловое разнообразие русской речи. В приведенных примерах это ИК-1, ИК-3, ИК-4 и ИК-2 соответственно. Подробно об этих интонациях см. в РГ-1 за 1980 г., стр. 96–122. Цифровое обозначение системы интоном, а их в русском языке по Брызгуновой 7, у некоторых чешских лингвистов особых симпатий не вызывает, дескать, как-то уж не очень научно звучит. Ну, а как же тогда относиться к обозначению падежей цифрами в чешском языке?

Игнорирование роли интонационных средств при определении семантики лексико-синтаксического комплекса может привести к грубым ошибкам. Особенно это касается простых предложений, т. е. лексико-синтаксических структур с меньшей вербальной экспликацией интенции. При включении в речевой акт таких структур с целью реализации определенных интенциональных значений максимальная функциональная нагрузка накладывается на просодические средства. В этом отношении, как показала практика обучения русскому языку как иностранному, даже оба родственного языка проявляют свою диаметрально несхожесть.

В качестве примера приведем, как бы казалось на первый взгляд, одинаковые лексико-синтаксические двухчленные единства: рус. Что это? и чеш. Co to? В обоих языках это вопросительные предложения. Однако их интенциональные значения и звуковое оформление различны. В чешском языке с интонационным центром на «to» — это маркированная структура. В таком виде она используется только для выражения легкого испуга с некоторой степенью удивления. Нейтральный вопрос должен быть трехчленным, т. е. Co to je? с интонационным центром уже на «je». В русском же языке вопрос задается с интонационным центром на вопросительном слове. Интенциональное значение испуга скорее всего будет реализовано с добавлением междометия: Ой, что это? С интонационным центром на «это» в русском вопросе выражается оппозиция «это X не это». Чешским эквивалентом в таком случае будет структура с вынесением «to» или точнее «toto» в конец предложения. В обоих языках движение тона

одинаковое, т. е. на гласном центра ровное или нисходящее с усилением словесного ударения. Сказанное подтверждает тот факт, что «при собственно речевом выражении интенции просодические средства сигнализируют о прагматической принадлежности высказывания к иному типу, чем тот, в котором регулярно выступает данная лексико-синтаксическая структура» (Битехтина, 1995). А раз так, то правильно ли лексико-синтаксический комплекс «У меня шляпа» будь уж с интонационным центром на «у меня» или на «шляпа» без устали относить к типу экзистенциального предложения?

На примере лексико-синтаксического единства, традиционно относящегося к типу вопросительного предложения (*Какие у них обычаи?*), постараемся показать, как под влиянием изменения движения тона меняется его семантика. Место интонационного центра оставим в конце предложения. Для русских примеров схемы движения тона взяты из РГ-80, а для их чешских эквивалентов – из Grepl, M. – Karlík, P.: *Skladba spisovné češtiny*. Понятно, что в статье, ограниченной определенным количеством страниц, нельзя в полном объеме осветить поставленную в заглавии проблематику, да и не в наших силах это было бы сделать, поэтому мы позволим себе только в общих чертах обратить внимание синтаксистов-русистов на необходимость включения в работу и просодических средств, тем более, что вот уже почти 30 лет, ими пользуются российские лингвисты.

Итак, приведенный выше лексико-синтаксический комплекс, оформленный ИК-1, в зависимости от ситуации может быть использован в функции названия статьи или предшествующей части с последующим за ней перечислением. Те же интенциональные значения будет иметь и чешское лексико-синтаксическое единство *Jaké mají zvyky?* с тем же движением тона, т. е. ровным на предцентральной части, нисходящим на центральной и ниже центра на постцентральной части:

Какие у них обычаи?

Jaké mají zvyky?

Стоит, однако, на центральной части «бы» существительного «обычаи» усилить тон, как лексико-синтаксическое единство получает значение вопроса с уточнением, т. е. «именно *обычаи*», а не что-то другое:

Какие у них обычаи?

В данном случае речь идет об оформлении комплекса при помощи ИК-2. В чешском языке эквивалентом к нему будет *Ale zvyky jaké (tam) jsou?* с усилением тона на «звук», включением новых лексических единиц и инверсией в лексико-синтаксическом комплексе.

Оформив русское л.-с. единство ИК-3, т. е. резко повысив тон на интонационном центре и резко понизив его на постцентральной части, мы придаем

ему значение переспроса. В чешском языке для этой цели используется обратное движение тона, а именно: на центральной части нисходящее, а на постцентральной – восходящее.

Какие у них обычаи?

----- / -----

Jaké mají zvyky?

----- \ -----

Если же тот же самый материал в русском языке оформить нисходяще-восходящим типом тона, как в чешском языке, т. е. ИК-4, то л.-с. единство получает значение вопроса с сопоставлением. Чешским эквивалентом ему в таком случае будет другой л.-с. комплекс, оформленный нисходящим тоном с некоторой интенсивностью на гласном центра:

Какие у них обычаи?

----- \ -----

A co zvyky?

----- = -----

Данный лексико-синтаксический комплекс может выражать и значение высокой степени положительной оценки. Достаточно его оформить ИК-6. Это такое движение тона, когда на центральной части он плавно поднимается, а на постцентральной продолжает свое движение выше центра. Чешским эквивалентом будет совершенно другой л.-с. комплекс с усилением на гласном центра в начале:

Какие у них обычаи!

----- / -----

Ti pane mají zvyky!

u ----- \ -----

Примеров, как влияет на семантику л.-с. комплекса изменение движения тона, много как в русском, так и в чешском языке. В сопоставительном плане изучение этой области предоставляет синтаксистам широкие и весьма интересные возможности.

О том, что изменение места интонационного центра является тема/рематической организацией высказывания и в отношении чешского языка, казалось бы, могло быть излишним. Как в русском, так и в чешском семантика л.-с. комплекса может принципиально измениться в связи с переносом интонационного центра:

ЗдЕсь лекция. Здесь лЕкция. TAdy je přednáška. Tady je přEdnáška.

Однако и в этой области использования интонационного средства русский язык отличается от чешского. Так, организация русского вопроса без вопросительного слова целиком происходит за счет интонационных средств: во-первых, это оформление л.-с. комплекса *восходяще-нисходящим* тоном (ИК-3) на интонационном центре предиката вопроса, а, во-вторых, это *изменение места интонационного центра без изменения порядка слов*. В чешском языке организация такого рода вопроса происходит,

во-первых, за счет вынесения предиката вопроса в конец или начало высказывания, а, во-вторых, за счет нисходяще-восходящего движения тона.

3

Мама идет в магазин? Jde do obchodu maminka?

3

Мама идет в магазин? Maminka do obchodu jde?

3

Мама идет в магазин? Jde maminka do obchodu?

В чешском языке нет интонаемы типа русской ИК-3, поэтому подобного рода вопросы на русском языке, чехи оформляют нисходяще-восходящим тоном, т. е. ИК-4, не осознавая при этом, что русский реципиент воспринимает не вопрос с целью узнать что-нибудь, а сигнал удивления. Это принципиальная разница между родственными языками и при обучении им ее необходимо иметь в виду. На этом месте хотелось бы обратить внимание, что и в русском языке есть такие речевые стандарты, в которых предикат вопроса выносится в конец предложения. В виду имеются л.-с. комплексы, связанные со сферой организации жизни, посредством которых каждый человек удовлетворяет свои потребности. Это вопросы типа: Конверты с марками у вас есть? «Литературочка» есть? и т. д. При одной и той же коммуникативной цели тема/рематическая организация высказывания будет разной в обоих языках: в русском языке с «есть» в конце высказывания – нейтральный, стандартный вопрос. Ему в чешском яз. отвечает вопрос «Máte + něco?». Поскольку, как было отмечено выше, вопрос данного типа относится к категории речевых стандартов, вынесение «есть» в его начало, как это имеют тенденцию делать чехи, является неестественным.

Пунктуация и просодические средства. Это также интересная область как для сопоставительного исследования, так и для нахождения ответа на вопрос, что же все-таки было раньше: правила пунктуации или высказывание с интенциональным значением, вызванное определенной ситуацией? Как объяснить, например, наличие двоеточия в бессоюзном предложении типа «Пора спать: уже двенадцать часов.» или «Он очень изменился: раньше говорить с ним было легче» и т. д. ? А ведь это связано с тем, как говорящий произносит л.-с. комплекс и тем самым какой смысл в него вкладывает. Так как говорящий при помощи второй части раскрывает содержание первой, то весь комплекс он делит на две синтагмы. Первая констатирует факт и произносится с ИК-1. Однако на этом высказывание не кончается, поэтому не может быть использована точка. Вторая синтагма завершает все высказывание и также оформляется нисходящей мелодией с интонационным центром в конце.

Перевод на чешский язык следующего л.-с. комплекса, если это устная форма его реализации, также будет зависеть от того, как его произнесет говорящий. С этим будет связана и пунктуация:

Иванов знал Петров не зря вызывал его телеграммой.

Отметим лишь, что это повествовательное предложение. поэтому в конце мы заранее ставим точку. По лексическому составу можно судить, что это может быть многосинтагменное высказывание с двумя именами собственными в номинативе. Однако кто из них вызывал, а кто знал? Если предложение будет произнесено как двухсинтагменное с членением после «знал», то на чешский язык оно будет переведено как «Ivanov věděl, že ho Petrov nezval telegramem nadarmo.» Пунктуационно русское предложение в данном случае будет оформлено следующим образом: «Иванов знал: Петров не зря вызывал его.» Обе синтагмы были оформлены ИК-1. В зависимости от ситуации говорящий может расчленить тот же л.-с. комплекс на три синтагмы с синтагматическим членением после Иванов и после Петров. Первая минимальная незавершенная синтагма «Иванов» будет оформлена ИК-3, вторая – «знал Петров» – ИК-1 и третья – «не зря вызывал его телеграммой» – ИК-2 с интонационным центром на «зря». Пунктуационно предложение будет оформлено так: Иванов, знал Петров, не зря вызывал его. В результате по-чешски высказывание переводится как «Petrov věděl, že ho Ivanov nezval telegramem nadarmo.»

В самом начале наших рассуждений мы обратили внимание и на тот факт, что в некоторых случаях интонационные средства способствуют изменению морфологической принадлежности лексической единицы. Приведем примеры и через перевод на чешский язык покажем, как определяются и всплывают на поверхность имплицитные смыслы л.-с. комплекса в зависимости от интенциональной установки говорящего (цифрами обозначено место интонационного центра и выбор соответствующего типа интонаемы).

1

Он просто одевался. Oblékal se skromně.

1

Он просто одевался. Jen se oblékal.

1

Он наверно(е) не придет. Asi nepřijde.

2

Он наверное (наверняка) не придет. Určitě nepřijde.

Итак, из всех приведенных примеров видно, что интонационные средства передают сведения не только о том, *что* говорится, но и о том, *кто* говорит, в *каком* он находится состоянии, в *какой* ситуации и *к кому* направлено высказывание. Поэтому «... beze zření k prozodickým prostředkům je jakákoli syntaktická teorie (popis), pokud nechce rozlišovat mezi větou a výpovědí, scestná, v lepším případě zmrzačená, parciální, a tedy patologická.» (М. Грепл 1999). Учеными давно обнаружено, что неверная интонация чаще приводит к непониманию, чем неправильная артикуляция звуков. Особенно это касается области синхронных переводов. Без знания интона-

ционных средств нельзя обучать иностранца диалогу и вообще «говорению». Следовательно исключать интонационные средства будь уж из процесса обучения иностранному языку или из исследовательской работы – все равно, что пытаться ехать на старой лингвистической телеге по новым автомагистралям жизни с современными требованиями к языку.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- БИТЕХТИНА, Н. Б.: Просодическое оформление высказывания при прямом и косвенном выражении речевой интенции в диалоге. In: Русский язык: вопросы функционирования и методики обучения. Выпуск 2. Москва 1995, с. 5–12.
- БРЫЗГУНОВА, Е. А.: Вводный фонетико-разговорный курс русского языка. Москва 1982.
- БРЫЗГУНОВА, Е. А.: Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. Москва 1984.
- GREPL, M.: Problematika klasifikace ilokučních aktů. SPFFBU, A 47, 1999, s. 95–100.
- GREPL, M. — KARLÍK, P.: Skladba spisovné češtiny. Praha 1986.
- LÍZALOVÁ, L.: Fremdsprachlicher Dialog – Probleme der Intonationsgestaltung (auf der Materialgrundlage der russischen und tschechischen Sprache). In: Dialoganalyse VI. Referate der 6. Arbeitstagung Prag 1996. Tübingen 1998.
- ЛИЗАЛОВА, Л.: Упражнения по фонетике современного русского языка.
- МУХАНОВ, И. Л.: Пособие по интонации. Москва 1984.
- Новое в зарубежной лингвистике XVII. Теория речевых актов. Москва 1986.
- Русская грамматика I. Москва 1980, с. 96–122.

Ljubov Lízalová
 Milénova 3
 638 00 Brno

